

**СТАТУС ЗАЛОГОДЕРЖАТЕЛЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ:
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ НОВОГО ОГРАНИЧЕННОГО
ВЕЩНОГО ПРАВА ИЛИ ПРОСТРАННОЕ ТОЛКОВАНИЕ СТАТЬИ 358.15
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?**

Ю. А. Прокофьева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

**THE STATUS OF THE PLEDGEE OF CORPORATE RIGHTS:
PROOF OF A NEW LIMITED PROPERTY RIGHT TO PROPERTY
OR A LENGTHY INTERPRETATION OF ART. 358.15
OF THE CIVIL CODE OF RUSSIA?**

Yu. A. Prokofeva

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: анализируется судебная практика по вопросу осуществления залогодержателем прав участника общества. Сделан вывод, что суды практически всегда отказывают в защите прав залогодателей от действий залогодержателя исключительно со ссылкой на возможность их осуществления последним. Приведено обоснование того, что такой подход не способствует сохранению баланса интересов сторон залоговых правоотношений. Сформулирован вывод о том, что возможность осуществления корпоративных прав не создает у залогодержателя в отношении них «временной собственности».

Ключевые слова: залог корпоративных прав, осуществление залогодержателем корпоративных прав, правоспособность залогодателя.

Abstract: the author provides an analysis of judicial practice on the exercise of the corporate rights by the pledgeholder. It is concluded that the courts almost always refuse to protect the rights of pledgors from the actions of the pledgeholder solely with reference to the possibility of their implementation by the last one. The study substantiates that such an approach is not able to maintain a balance of interests of the parties to pledge legal relations. A conclusion is that the possibility of exercising corporate rights does not create "temporary ownership" for the pledgeholder in relation to shares and participation interests.

Key words: pledge of corporate rights, implementation of corporate rights by the pledgeholder, legal capacity of the pledger.

С 1 июля 2014 г. на основании п. 2 ст. 358.15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) участник общества вправе передавать в залог принадлежащие ему корпоративные права для обеспечения исполнения личного обязательства или обязательства общества, чьи корпоративные права являются предметом

залога. До указанного времени был возможен лишь залог акций (или залог долей участия в обществе; далее – залог акций).

Разница между двумя видами залогов состоит в следующем. При залоге акций залогодержатель вправе рассчитывать только на преимущественное удовлетворение своего требования из стоимости предмета залога (из стоимости акций). В свою очередь, при залоге корпоративных

прав у залогодержателя имеется дополнительная возможность осуществления корпоративных правомочий в отношении общества, которую он приобретает в силу залога самих акций. Считается, что таким образом залогодержатель контролирует сохранность предмета залога (акций). И акции, и корпоративные права могут быть переданы в залог лицу, которое участником данного общества не является.

Далее в статье будут рассматриваться лишь отдельные проблемы залога корпоративных прав (далее также – залог прав участника общества). При этом, если не указано иное, подразумевается, что именно залогодержатель осуществляет корпоративные правомочия залогодателя.

Автономия залогодержателя при осуществлении корпоративных прав в силу договора залога

На основании договора залога корпоративных прав кредитор становится залогодержателем, но не их правообладателем. Само по себе осуществление корпоративных прав третьим лицом не свидетельствует пусть и о временном, но отчуждении их в пользу этого лица.

Между тем, как будет показано далее, тот объем прав, который приобретает залогодержатель, достаточен и для того, чтобы существенно повлиять на стоимость общества, чьи акции являются предметом залога¹, и для того, чтобы это общество стало субъектом публично-правовой, в том числе налоговой, ответственности². Кроме того, залогодержатель также может оказывать влияние на корпоративные обязанности самого залогодателя. Например, если залогодержатель принимает решение голосовать за внесение вклада в имущество общества (в целях противодействия размыванию доли залогодателя), исполнять данную обязанность будет залогодатель. Соответственно, абсолютно обоснованно возникает вопрос о пределах осуществления залогодержателем корпоративных прав.

Согласно актуальной судебной практике с даты заключения договора залога всеми правами участника общества фактически может

распоряжаться только один субъект – залогодержатель (если иное не согласовано в договоре). В связи с этим суды признают отсутствующим у залогодателя право на оспаривание решений общего собрания участников общества по смене генерального директора или об увеличении уставного капитала общества за счет дополнительного вклада третьего лица, даже если его 100 % доля участия в обществе фактически уменьшится до 15 %³. В подобных случаях нарушения потенциального права залогодателя на сохранение фактического и экономического контроля над обществом будет недостаточно – суды потребуют доказательств злоупотребления правом со стороны залогодержателя. Такой подход не просто ограничивает право залогодателя на судебную защиту, но и фактически легитимизирует утрату корпоративного контроля над обществом с его стороны. Например, смена генерального директора чаще всего свидетельствует о смене направлений и способов осуществления обществом текущей хозяйственной деятельности. Принятие решения о существенном увеличении размера уставного капитала свидетельствует о размытии доли участия залогодателя в обществе, а равно и об утрате им права голоса (возможно, решающего права голоса) на общем собрании участников.

Из судебной практики, ссылая на которую была дана ранее, не следует, что экономическая целесообразность принятия соответствующих решений залогодержателями судами проверяется. Вместе с тем это должно являться предметом доказывания по спору. Так, по смыслу п. 3 ст. 343 ГК РФ угроза утраты корпоративного контроля из-за действий залогодержателя является основанием для досрочного расторжения договора залога. В то же время согласно подп. 3 п. 1 ст. 343 ГК РФ залогодержатель должен «...принимать меры, необходимые для обеспечения сохранности заложенного имущества»⁴.

Из-за пространности вышеприведенной формулировки трудно однозначно ответить,

¹ См.: Мухаммадеева Р. А. Залог прав участников юридического лица: особенности осуществления корпоративных прав залогодержателем // *Гражданское право*. 2019. № 3. С. 36 - 38.

² См.: Wood Ph. R. *Comparative Law of Security Interests and Title Finance*. 2nd ed. Sweet & Maxwell, 2007. P. 594 ; Drobnig U., Boger O. *Proprietary Security in Movable Assets*. Sellier European Law Publishers, 2015. P. 593.

³ См.: постановления Арбитражного суда Московского округа от 9 ноября 2018 г. № Ф05-18293/2018 по делу № А40-6371/2018, Арбитражного суда Уральского округа от 23 января 2017 г. № Ф09-12225/16 по делу № А07-21705/2015, Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2017 г. № 19АП-4620/2016 по делу № А36-5304/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вправе ли залогодержатель коренным образом менять направления деятельности общества, корпоративные права в отношении которого он осуществляет лишь в силу залога.

Договор залога корпоративных прав не является сделкой по резервированию права собственности (в том числе не является предметом титульного обеспечения). Цель приобретения залогодержателем корпоративных прав не является для него первопричиной вступления с залогодателем в какие-либо правоотношения; в противном случае речь идет о притворности сделки. Кроме того, «осуществление права есть реализация тех возможностей, которые дает управомоченному само субъективное право. Выход за рамки содержания субъективного права не есть его осуществление, так как в этом случае лицо уже не действует как управомоченный субъект»⁵. Соответственно, личный интерес кредитора в конкретной форме осуществления предоставленных ему прав не предопределяет содержание этих прав.

Видится, что залогодержатель должен учитывать назначение предоставленных ему правомочий, ведь он осуществляет их в целях обеспечения сохранности имущества, за счет которого сможет в последующем потребовать преимущественного удовлетворения по своему притязанию, а не для того, чтобы получить дополнительный источник прибыли. Доказательством этого является занятый Верховным Судом РФ в делах о банкротстве, где прямо указано, что при осуществлении корпоративных прав залогодержателем презюмируется отсутствие у него цели участия в распределении всей предполагаемой прибыли должника⁶.

Кредитор должен осуществлять предоставленные ему в залог корпоративные права по согласованию с залогодателем (или во всяком случае не в противоречии с ранее избранной им тактикой ведения бизнеса), в частности, до тех пор, пока дефолт по исполнению основного обязательства не наступил. Например, решение о реализации преимущественного права покуп-

ки доли в обществе не должно приниматься залогодержателем без согласия залогодателя по ряду причин. Во-первых, это право изначально принадлежит только участнику общества, коим залогодержатель не является. Несогласованная с залогодателем реализация данного права не будет способствовать поддержанию стабильного состава участников обществ с ограниченной ответственностью. Во-вторых, создание дополнительных для должника по основному обязательству (для залогодателя) финансовых обязательств может противоречить его интересам. В-третьих, подобное решение может необоснованно привести к увеличению размера обеспеченного обязательства в случае, если предмет залога определен общими, но позволяющими его определить формулировками.

Однако, когда у залогодержателя есть основания полагать, что сохранность (ценность) залога находится под угрозой, видится, что он вправе использовать полномочия, целью которых является установление собственного корпоративного контроля. Речь идет о таких распорядительных организационно-управленческих правах, как избрание нового генерального директора или принятие решения об увеличении уставного капитала общества. В названном случае их осуществление видится мерой оперативного воздействия, которая предупреждает нарушение уже не прав залогодателя, а прав залогодержателя.

Когда потенциально возможно осуществление залогодержателем права в противоречии с его назначением, порядок и условия его осуществления как меры оперативного воздействия должны быть строго регламентированы. При отсутствии такого порядка следует перераспределять бремя доказывания обоснованности использования названных выше прав на залогодержателя.

Так, именно залогодержатель при принятии решения об увеличении уставного капитала за счет третьего лица должен доказать, что произошли существенные изменения в рыночной конъюнктуре, способные в негативном ключе повлиять на процент обеспеченности его требования по основному обязательству. То есть он должен доказать, что принятие соответствующего решения было обусловлено объективной необходимостью, а не стремлением установления личного корпоративного контроля над обществом. Если таких событий не было, само по себе уменьшение рыночной стоимости доли за-

⁵ Цит. по: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М., 2001. С. 133.

⁶ См: п. 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

логодателя не является основанием для взыскания убытков с залогодержателя. Убытки, как разница между стоимостью акций, находящихся в залоге, и первоначальной их стоимостью, будут взысканы в пользу залогодателя только при совокупности двух условий: 1) снижение стоимости акций происходит во время нахождения корпоративных прав в залоге у залогодержателя; 2) первое условие произошло исключительно из-за противоправных действий залогодержателя.

Другой пример. Само по себе принятие решения о смене генерального директора, аффилированного с залогодержателем, не будет доказательством недобросовестности последнего, если общество, в отношении которого принято данное решение, изначально находилось в убыточном состоянии. Более того, само по себе финансирование залогодержателем общества не создает на стороне общества каких-либо непосредственных корпоративных обязательств перед залогодержателем, а равно не свидетельствует о приращении залога. Если не указано иное, такое поведение является доказательством исполнения залогодержателем обязанности по обеспечению сохранности заложенного имущества. Однако в случае последующего выставления залогодержателем соответствующего требования к залогодателю все также следует учитывать интересы залогодателя, в том числе необходимость получения от него соответствующего согласия на финансирование общества.

Таким образом, существующий на сегодняшний день подход к распределению судами бремени доказывания в спорах между залогодателем и залогодержателем не способствует поддержанию баланса интересов сторон залоговых отношений. Это необоснованно приводит к тому, что от залогодателя требуют представления доказательств того, что по принципу наименьшего сопротивления может быть легко опровергнуто залогодержателем, если его поведение изначально не было сопряжено со злоупотреблением правом.

Правовой статус и роль залогодержателя в обществе, корпоративные права в отношении которого он осуществляет

Определение роли залогодержателя в обществе, корпоративные права в отношении которого он осуществляет, является практически и теоретически значимым, так как это позволит понять направление, в котором институт залога

корпоративных прав будет развиваться, и объем правомочий данного субъекта. Поскольку статус залогодержателя корпоративных прав не был предметом комплексного научного исследования, рассматривались лишь отдельные вопросы. Так, согласно позиции В. А. Лаптева функция залогодержателя корпоративных прав сводится к роли управленца в данном обществе (у которого отсутствует возможность распоряжения имущественными правами)⁷. Схожей точки зрения придерживается Р. С. Бевзенко, по его мнению залогодержатель несет фидуциарные обязанности перед обществом (например, он обязан не совершать действия, делающие невозможным достижение цели, ради которых была создана корпорация)⁸.

Е. Р. Усманова рассматривает договор залога прав участия как квазиобеспечительную конструкцию, посредством которой происходит «расширение юридической личности должника» путем предоставления корпоративных прав залогодержателю⁹. Статус залогодержателя ею не рассматривался, однако из указания на квазиобеспечительную функцию договора следует признание исследователем всей полноты прав кредитора в отношении общества, корпоративные права в отношении которого осуществляются первыми в силу залога.

По мнению Л. Ю. Василевской, залог акции или залог доли (а равно и залог корпоративных прав) не приводит к прекращению права залогодателя на участие в управлении соответствующим хозяйственным обществом; на основании договора залога корпоративных прав кредитор становится залогодержателем, но не их правообладателем¹⁰.

М. А. Волчанским высказывается мнение, согласно которому залогодержатель корпоративных прав может быть законным представителем залогодателя – через аналогию с немецкой

⁷ См.: Лаптев В. А. Корпоративное право : правовая организация корпоративных систем : монография. М. : Проспект, 2019. С. 148.

⁸ См.: Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 15.

⁹ См.: Усманова Е. Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 23.

¹⁰ См.: Василевская Л. Ю. Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия // Гражданское право. 2018. № 1. С. 3–6.

концепцией замещающего представительства, в силу которой любое исполнение должника в пользу залогодателя должно быть передано залогодержателю (аналог российского института управления залогом)¹¹.

В силу прямого указания в законе управляющий залогом должен действовать на наиболее выгодных для кредитора условиях (интересы залогодателя или общества, чьи акции или доли являются предметом залога, здесь играют второстепенную роль). Если следовать указанной логике, то при определении объема правомочий залогодателя корпоративных прав следует придерживаться прокредиторского подхода, который при этом не является сбалансированным по отношению к залогодателю, о чем было сказано выше.

Исходя из существующих на сегодняшний день в российском праве конструкций, можно предположить, что статус залогодателя корпоративных прав имеет определенное сходство со статусом доверительного управляющего имуществом, титульного собственника, а также некоторыми иными правовыми институтами. Для проверки данной гипотезы была составлена таблица.

Как следует из приведенной информации, статус залогодателя не тождественен ни статусу доверительного управляющего (действует в интересах собственника имущества или назначенного им выгодоприобретателя, а не в личных интересах), ни статусу трасти (исполняет волю учредителя траста, сам может быть бенефициаром траста). Между тем есть основания полагать, что правовые последствия заключения договора залога корпоративных прав весьма схожи с правовыми последствиями заключения договора, предусматривающего передачу имущества в обеспечительную собственность (титульная собственность).

Так, обе конструкции создают видимость фактической утраты первоначальным правообладателем контроля над обществом и потери им прав владения и пользования данными акциями (корпоративными правами). Это наталкивает на мысль о том, что кредитор будто приобретает имущество в так называемую «времен-

ную собственность», «собственность на время».

Однако в действительности между указанными договорами существует определенная разница. При титульном обеспечении предмет обеспечения является собственностью кредитора, что буквально дает ему возможность распоряжаться таким имуществом по собственному усмотрению. Это также значит, что даже после полной оплаты долга у должника фактически может не быть возможности вернуть право собственности в отношении переданного в титульную собственность имущества. Право должника в этом случае будет защищаться посредством взыскания убытков, а не иском о признании права собственности на акции по ст. 149.3 ГК РФ (аналог виндикационного иска). Кроме того, титульный собственник не вправе оставлять за собой имущество в силу просрочки исполнения основного обязательства должником; единственный способ его реализации – это отчуждение добросовестному третьему лицу.

Наконец, еще одно важное отличие от залога корпоративных прав: при титульном обеспечении кредитор может оставить себе остаток, образовавшийся посредством вычета существующего долга из цены предмета обеспечения. Обеспечительная модель права собственности прямо не ограничена принципом эквивалентности встречного исполнения со стороны должника, вследствие чего правило о возврате *superfluum* предполагается, однако с практической точки зрения не всегда соблюдается. Это приводит к тому, что кредитор не обязан продавать предмет обеспечения на свободном рынке посредством публичных торгов, где устанавливается его максимальная рыночная стоимость. В результате риск непокрытия долга за счет стоимости предмета обеспечения несет должник, который уже в отдельном судебном процессе будет доказывать факт причинения ему убытков¹².

В свою очередь, при залоге корпоративных прав переданное в залог имущество (корпоративные права, а равно акции или доли участия в обществе) остается в собственности залогодателя. В случае, если должник допустит дефолт по основному обязательству, на заложенные корпоративные права кредитор сможет обратить взыскание, в том числе оставить их за собой и стать полноценным участником общества. При нена-

¹¹ См.: Волчанский М. А. Последствия нарушения должником залогодателя обязанности по исполнению заложенного требования в пользу залогодателя (п. 3 ст. 358.6 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 79–99.

¹² См.: Усманова Е. Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 85–88.

Сравнительный критерий	Основание возникновения права	Автономия управомоченного лица	Объем правомочий управомоченного лица
1. Залогодержатель корпоративных прав	Договор заключается между кредитором и должником (третьим лицом) для обеспечения исполнения основного обязательства (посессорный залог)	Действует от собственного имени и в собственных интересах ¹³	Залогодержатель осуществляет права участника общества (не несет перед ним никаких обязанностей, кроме фидуциарных). Право собственности в отношении заложенных корпоративных прав сохраняется за залогодателем. До просрочки исполнения долга залогодержатель пользуется и управляет залогом (иные правомочия у него отсутствуют). До прекращения залога фактически выступает участником общества, замещающая в нем залогодателя
2. Доверительный управляющий имуществом	Договор заключается между учредителем управления (собственником имущества) и доверительным управляющим для передачи прав на управление имуществом. Доверительным управляющим в отношении акций может быть только профессиональный участник рынка ценных бумаг	Доверительный управляющий действует от своего имени (без доверенности) в интересах выгодоприобретателя (учредителя управления) для достижения заранее определенных целей и в строго оговоренных рамках ¹⁴ . Управляющий не может быть выгодоприобретателем	Управление имуществом должно происходить в интересах учредителя управления. Право собственности на объект доверительного управления остается за учредителем управления. Доверительный управляющий владеет, пользуется и распоряжается только имущественными правами в отношении общества. Неимущественные права в отношении ООО, связанные с управлением обществом, не относятся к объектам доверительного управления (для их осуществления управляющему требуется доверенность) ¹⁵ . При доверительном управлении акциями возможность голосования на общем собрании общества управляющим предполагается
3. Доверительный собственник	Договор заключается между учредителем траста и трасти (доверительным собственником) для выхода из под регулирования отношений российским правом. Договор управления имуществом является обязательственно-правовым способом осуществления права собственности ¹⁶	Доверительный собственник действует от своего имени в пользу бенефициара ¹⁷ (трасти может быть выгодоприобретателем)	Право собственности в отношении имущества, переданного в траст, закреплено за доверительным управляющим (юридическая собственность), экономическим собственником продолжает оставаться учредитель траста. Никакой из участников траста не обладает всей полнотой правомочий собственника

¹³ См.: *Маковская А. А.* Крупные сделки и сделки с заинтересованностью : анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М., 2020. С. 250.

¹⁴ См.: Положение Банка России от 3 августа 2015 г. № 482-П «О единых требованиях к правилам осуществления деятельности по управлению ценными бумагами, к порядку раскрытия управляющим информации, а также требованиях, направленных на исключение конфликта интересов управляющего» // Вестник Банка России. 2015. № 117.

¹⁵ См.: *Курбатов А. Я.* Доля в уставном капитале как объект доверительного управления : от правовой сущности к решению конкретных вопросов // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 42–48.

¹⁶ См.: *Суханов Е. А.* О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–56.

¹⁷ См.: *Канашевский В. А.* Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование. М., 2018. С. 83.

ступлении дефолта к моменту банкротства залогодателя заложенные корпоративные права включаются в его конкурсную массу для последующей реализации на торгах (будучи обремененными залогом) по правилам законодательства о банкротстве (торги посредством публичного предложения). Такой подход исключает возможность злоупотребления корпоративным правом со стороны залогодержателя.

В связи с тем, что перечисленные выше отличия фактически носят технический характер, долгое время считалось, что обеспечительная собственность – это институт, позволяющий обходить императивные правила о реализации залога, в том числе при банкротстве залогодателя. Ранее такие сделки признавались притворными и перекалифицировались в договор купли-продажи и договор залога имущества. Однако в настоящее время зарубежный опыт склоняется к тому, что правовые последствия, свойственные договору залога, должны применяться к титульному обеспечению¹⁸. Российская практика в этой части пока ни в какую сторону не развивается.

В итоге анализ статуса залогодержателя корпоративных прав позволяет прийти к выводу о том, что ни один из схожих с ним институтов ему полностью не тождественен. При этом никаких существенных отличий между статусом залогодержателя в целом и статусом залогодержателя корпоративных прав в частности нет. В связи с этим подход судов в применении п. 2 ст. 358.15 ГК РФ, в силу которого допустимо перераспределять бремя доказывания в спорах между залогодателем и залогодержателем корпоративных прав (не в пользу залогодателя) из-за того, что залогодержатель якобы наделяется правом установления корпоративного контроля над обществом в личном интересе, необоснован.

Буквальное толкование указанной нормы не просто не справляется с целью урегулирования заданной области правоотношений, но и ограничивает залогодателя в правах, в том числе на судебную защиту.

Исходя из изложенного выше, можно прийти к следующим выводам.

Залог прав участника в обществе является разновидностью посессорного залога, не имеющего никакого отношения к «временной соб-

ственности» залогодержателя в отношении корпоративных прав.

Распоряжение залогодержателем корпоративными правами должно проходить с соблюдением интересов залогодателя, в таком случае утрата корпоративного контроля над обществом со стороны залогодержателя ни фактически, ни юридически не происходит и риски этого минимизированы.

Существующий подход к применению судами п. 2 ст. 358.15 ГК РФ ограничен буквальным толкованием положений закона, что исключает возможность фактической защиты прав залогодателей от недобросовестных действий залогодержателя. При осуществлении залогодержателем корпоративных прав залогодателя важно не столько устанавливать факт злоупотребления правом со стороны залогодержателя, сколько найти баланс интересов сторон.

Библиографический список

Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 10–22.

Василевская Л. Ю. Залог прав участников юридических лиц : проблемы и противоречия // Гражданское право. 2018. № 1. С. 3–6.

Волчанский М. А. Последствия нарушения должником залогодателя обязанности по исполнению заложенного требования в пользу залогодержателя (п. 3 ст. 358.6 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 79–99.

Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001. 411 с.

Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение : теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56–127.

Канашевский В. А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование. М. : Международные отношения, 2018. 303 с.

Лаптев В. А. Корпоративное право : правовая организация корпоративных систем : монография. М. : Проспект, 2019. 384 с.

Маковская А. А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью : анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М. : Статут, 2020. 375 с.

Мухамадеева Р. А. Залог прав участников юридического лица : особенности осуществления корпоративных прав залогодержателем // Гражданское

¹⁸ См.: *Егоров А. В., Усманова Е. Р.* Залог и титульное обеспечение : теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56–127.

право. 2019. № 3. С. 36–38.

Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–56.

Усманова Е. Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 152 с.

Drobnig U., Boger O. Proprietary Security in Movable Assets. Sellier European Law Publishers, 2015. 934 p.

Wood Ph. R. Comparative Law of Security Interests and Title Finance. 2nd ed. Sweet & Maxwell, 2007.

References

Bevzenko R. S. Proprietary security as a mechanism for control and management of the debtor's assets // Civil Law Review. 2018. No. 1. P. 10–22.

Drobnig U., Boger O. Proprietary Security in Movable Assets // Sellier European Law Publishers, 2015. 934 p.

Egorov A. V., Usmanova E. R. Pledge and title security : theoretical and practical comparison of structures // Civil Law Review. 2014. No. 4. P. 56–127.

Gribanov V. P. Exercise and protection of civil rights. Moscow : Statut, 2001. 411 p.

Kanashevskiy V. A. Offshore companies and trusts.

Anti-offshore regulation. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. 303 p.

Laptev V. A. Corporate law : legal organization of corporate systems : monograph. Moscow : Prospekt, 2019. 384 p.

Makovskaya A. A. Major and related party transactions: analysis and commentary on the Laws "On Joint Stock Companies" and "On Limited Liability Companies. Moscow : Statut, 2020. 375 p.

Mukhamadeeva R. A. Pledge of the rights of participants in a legal entity: features of the exercise of corporate rights by the pledger // Civil Law. 2019. No. 3. P. 36–38.

Sukhanov E. A. On trust management of property as a legal method of exercising ownership // The Herald of Economic Justice. 2017. No. 11. P. 44–56.

Usmanova E. R. Title security of civil obligations : cand legal sci. diss. Moscow, 2018. 152 p.

Vasilevskaya L. Yu. Pledge of Rights of Members of Legal Entities: Issues and Contradictions // Civil Law. 2018. No. 1. P. 3–6.

Volchanskiy M. A. Consequences of violation by the debtor of the pledger of the obligation to fulfill the pledged claim in favor of the pledgee (clause 3 of article 358.6 of the Civil Code of the Russian Federation // The Herald of Economic Justice. 2020. No. 6. P. 79–99.

Wood Ph. R. Comparative Law of Security Interests and Title Finance. 2nd ed. Sweet & Maxwell, 2007. 933 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Прокофьева Ю. А., аспирант департамента частного права

E-mail: julya.karpichko@ya.ru

Поступила в редакцию: 04.04.2022

Для цитирования:

Прокофьева Ю. А. Статус залогодержателя корпоративных прав : доказательство существования нового ограниченного вещного права или пространное толкование статьи 358.15 Гражданского кодекса Российской Федерации? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 132–139. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/132-139>.

National Research University «Higher School of Economics»

Prokofeva Yu. A., Postgraduate Student of the Private Law Department

E-mail: julya.karpichko@ya.ru

Received: 04.04.2022

For citation:

Prokofeva Yu. A. The status of the pledgee of corporate rights: proof of a new limited property right to property or a lengthy interpretation of art. 358.15 of the Civil code of Russia? // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 4 (55). P. 132–139. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/132-139>.